

Научная статья
<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-367-382>
<https://elibrary.ru/SLNUSZ>
УДК 821.111.0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Дарья АБДУРАХМАНОВА-ПАВЛОВА

«ИСТОРИИ СЕСТРЫ РУФИ, РАССКАЗАННЫЕ ЕЮ
ДЕТЯМ, ИЛИ ВЕЧЕРА С ДЖОНОМ ВУЛМЕНОМ» (1865):
К ВОПРОСУ О ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
«ДОМАШНЕГО АБОЛИЦИОНИЗМА»

Аннотация: Детская литература так называемого «домашнего аболиционизма» является одним из интереснейших и при этом сравнительно малоисследованных пластов антирабовладельческой литературы США. Произведения «домашнего аболиционизма», как правило, создавались женщинами и печатались анонимно или под псевдонимами. Данное направление отличается, с одной стороны, жанровым разнообразием, а с другой — набором характерных особенностей. Одной из этих особенностей является, согласно Деборе Де Роса, наличие в произведениях «домашнего аболиционизма» следующей триады фигур: выступающая против рабства «мать-историк», ребенок-невольник, белый ребенок. Рассказы матери-историка апеллировали к «перемене сердца» белого ребенка-слушателя, пробуждению в нем сочувствия к невольникам, приобщению его к аболиционизму. Настоящая статья посвящена практически не изученному прежде памятнику данного литературно-идеологического направления — полу-анонимному произведению под названием «Истории сестры Руфи, рассказанные ею детям, или Вечера с Джоном Вулменом» (1865). Текст построен как серия вечерних бесед рассказчицы — своего рода «матери-историка», девушки по имени Руфь, с ее младшими сестрами и братом. Герой их бесед, квакерский проповедник Джон Вулмен (1720–1772), известен в американской истории как один из провозвестников аболиционистского движения. Пересказывая детям истории из вулменовского «Дневника» (опубл. в 1774 г.), описывая личную кампанию Вулмена против рабства, сестра Руфь подробно комментирует данный источник. Кроме того, она украшает свое повествование новыми, отсутствующими в «Дневнике» сентиментальными сценами, библейскими и поэтическими аллюзиями. Назидательность, характерная для детской литературы «домашнего аболиционизма», в «Историях» несколько сглаживается многоголосием и непосредственностью откликов слушателей на рассказы Руфи. В свою очередь традиционная для «домашнего аболиционизма» ревизия национальной истории, играя в «Историях» важнейшую роль, свободна от чрезмерной тенденциозности. Опубликованным на исходе Гражданской войны, «Историям сестры Руфи» сообщается не только аболиционистский, но и пацифистский, миротворческий пафос «Дневника» Джона Вулмена.

Ключевые слова: Джон Вулмен, «Дневник», аболиционизм, квакерство, детская литература, дидактическая литература, история литературы США.

Информация об авторе: Дарья Владимировна Абдурахманова-Павлова, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4887-1898>. E-mail: dvap_19@mail.ru.

Для цитирования: Абдурахманова-Павлова Д.В. «Истории сестры Руфи, рассказанные ею детям, или Вечера с Джоном Вулменом» (1865): к вопросу о детской литературе «домашнего аболиционизма» // Литература двух Америк. 2022. № 13. С. 367–382. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-367-382>.

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-367-382><https://elibrary.ru/SLNUSZ>

UDC 821.111.0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Daria ABDURAKHMANOVA-PAVLOVA

SISTER RUTH'S STORIES, OR, EVENINGS WITH JOHN WOOLMAN (1865)
AND JUVENILE LITERATURE OF DOMESTIC ABOLITIONISM

Abstract: Juvenile literature of “domestic abolitionism” seems to be one of the most interesting, yet under-researched branches of American abolitionist literature. Domestic abolitionist authors were usually women, who often published their texts anonymously or assuming pseudonyms. Diverse as they are in terms of genre, these texts share a set of common features. Among these features, according to Deborah De Rosa, is employment of three overarching images: the abolitionist mother-historian, the slave child, the white child. The mother-historian tells stories to foster “a change of hearts” of her young listeners, to inspire their empathy for their enslaved peers, and to engage them in the abolitionist cause. This paper focuses on semi-anonymous *Sister Ruth's Stories, or, Evenings with John Woolman* (1865) — a domestic abolitionist text, which seems to have been overlooked in literary studies so far. *Sister Ruth's Stories* are constructed as a sequence of evening conversations between Sister Ruth (“Mother-historian”) and her younger siblings. The topic of these conversations is life of John Woolman (1720–1772), a famous Quaker minister and proto-abolitionist. Sister Ruth retells children the plot of Woolman's *Journal*, describing his personal campaign against slavery. She comments upon this autobiographical text, embellishing it with some additional sentimental scenes, biblical and poetical allusions. In *Sister Ruth's Stories*, didacticism of domestic abolitionist literature seems to be counterbalanced by the multi-voice chorus of Ruth's listeners, with their unfeigned reactions to the stories. As for revision of national history, which is also a substantial part of domestic abolitionist literature, it plays a pivotal role in the book, and yet appears moderate. Published in the last year of the Civil War, *Sister Ruth's Stories* seem to embrace both abolitionist and pacifist messages of John Woolman's *Journal*.

Keywords: John Woolman, *Journal*, abolitionism, Quakerism, juvenile literature, didactic literature, American literary history.

Information about the author: Daria V. Abdurakhmanova-Pavlova, postgraduate student, Saint Petersburg State University, Universitetskaya emb., 7/9, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4887-1898>. E-mail: dvap_19@mail.ru.

For citation: Abdurakhmanova-Pavlova, Daria. “*Sister Ruth's Stories, or, Evenings with John Woolman* (1865) and Juvenile Literature of Domestic Abolitionism.” *Literature of the Americas*, no. 13 (2022): 367–382. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-367-382>.

Конфронтация Юга и Севера США, нараставшая во второй трети XIX столетия и завершившаяся Гражданской войной 1861–1865 гг., оставила заметный след в истории американской литературы. Ответ на вопрос о сохранении или же упразднении рабовладельческой системы должен был определить будущее всей страны, и закономерно, что особую роль в произведениях аболиционистской (как и анти-аболиционистской) направленности играли образы детей — олицетворения национального будущего. В то же время, наряду с ребенком-персонажем, немалую роль для авторов играл и ребенок-*читатель*, реципиент текста. Примечательно, что, например, знаменитая «Хижина дяди Тома» (1852) Гарриет Бичер-Стоу издавалась не только в оригинальном, но и в адаптированных для детей вариантах [De Rosa 2003: 27].

Детская аболиционистская литература 1830–1860-х гг. представлена множеством имен и составляет особый, до сих пор не вполне оцененный по своему масштабу пласт американской словесности [De Rosa 2003: 2–4]. Паула Коннолли, автор книги «Тема рабства в американской детской литературе: 1790–2010 гг.», отмечает, что и противники, и апологеты рабовладения считали литературу, особенно художественную и автобиографическую, «одним из самых действенных средств в арсенале своей политической борьбы» [Connolly 2013: 1–2] и придавали большое значение убеждению именно детской аудитории, при этом часто используя в своем противостоянии одинаковые жанры. Так, аболиционисты выпускали для детей журнал «Друг невольника» (*The Slave's Friend*) [Geist 1999], южные же авторы издавали детский журнал «Бутоны розы» (*The Rose Bud*). На Севере печатались так называемые антирабовладельческие азбуки (известные примеры — азбуки, изданные сестрами-квакерами Ханной и Мэри Таунсенд¹, а также унитариянским проповедником Томасом Эйблом²), в то время как апологетами рабовладения ставилась задача написать серию «южных» учебников, «свободных от всякого оттенка аболиционизма» [Connolly 2013: 4].

Детская аболиционистская литература представляет часть феномена так называемого «домашнего аболиционизма». Как отмечает исследовательница этого явления Дебора Де Роза, сторонники аболиционизма действовали не только в публичной сфере, но

¹ Townsend, Hannah, Townsend, Mary. *The Anti-Slavery Alphabet*. Philadelphia, PA: Merrihew and Thompson, 1847.

² Abel, Thomas. *The Gospel of Slavery: A Primer of Freedom*. New York: T.W. Strong, 1864.

и в частной, повседневной жизни. Особенно это касалось женщин, поскольку «выражая озабоченность проблемой рабства, они рисковали встретить резкую критику и неприятие уже потому, что подобная политическая тематика считалась исключительно мужским делом» [De Rosa 2005: xv]. Испытывая такое давление, равнодушные к общественной повестке жительницы США нередко выражали свои взгляды с помощью традиционно «женских» жанров, в число которых входили «домашние» романы, сентиментальная и детская литература (написанная, как уже упоминалось выше, в форме азбук, а также рассказов, стихотворений и др.) [De Rosa 2005: xv].

Дебора Де Роза, изучившая каноны литературы «домашнего аболиционизма» на большом архивном материале, выделяет традиционную для подобных текстов триаду образов: два ребенка — угнетенный маленький невольник и юный белый аболиционист, и так называемая «мать-просветительница» (на деле не всегда именно мать, но так или иначе какая-либо старшая родственница белого ребенка, которому адресовано ее повествование) [De Rosa 2005: xviii]. Фигура юного невольника почти всегда остается исключительно «внутритекстовой»: образ поработанного ровесника должен был вызвать в юном читателе сочувствие и стремление освободить его, однако редко воспринимался как самостоятельная единица — потенциальный читатель книги или человек, от которого что-то зависит в будущем страны [Connolly 2013: 5]. Ответственность за это будущее обычно полностью делегировалась белому ребенку-аболиционисту; интересно, что долгое время в этой роли обычно выступал мальчик, но после публикации в 1852 г. «Хижина дяди Тома» популярность снискал образ девочки-аболиционистки [De Rosa 2005: xviii].

Образ «матери-просветительницы» восходит к XVIII в., а точнее ко временам борьбы американских колоний за независимость. Идеал так называемого «республиканского материнства» (Republican motherhood)³ считался тогда фундаментом воспитания патриотичных граждан, формирования нравственного облика молодой страны. Однако в аболиционистской литературе 1830–1860-х гг. образ «матери-просветительницы» претерпел метаморфозу — здесь ею предлагалась отнюдь не апология, а критическое переосмысление, ревизия

³ Следует отметить, что данный термин в XVIII–XIX вв. еще не использовался. Он был предложен в 1976 г. профессором Университета Айовы, феминисткой, специализирующейся в изучении интеллектуальной истории, Линдой Кауфман Кербер [Kerber 1976].

американской истории; в текущей политике обличались алчность, нечестность, отступление от демократических идеалов. Вместе с тем ракурс рассмотрения оставался «домашним», «женским»: акцент делался на том, что сам факт существования в стране рабовладельческой системы пагубно сказывается на детских душах, на семейных узах, идеалах демократии и патриотизма [De Rosa 2005: xvi].

Главной целью авторов было вызвать у юного читателя «волю / перемену сердца» (a change of heart) и вопрос: «Что я могу сделать, чтобы положить конец рабству?» [De Rosa 2003: 11]. Предлагались конкретные решения — такие шаги, как написание петиций, участие в дискуссиях, бойкот товаров, изготовленных с применением рабского труда [Connolly 2013: 4]. Следует также иметь в виду, что, привлекая на свою сторону юных читателей, авторы аболиционистской литературы делали ставку не только на обретение в их лице будущих единомышленников, но надеялись и воздействовать через них — «устаами младенца»⁴ — на поколения их старших родственников. Сестры Таунсенд, авторы одной из аболиционистских азбук, так объясняют детям задачу книги: быть может, взрослые «...внемлют тому, что говорите *вы*, / Тогда как к *нам* они глухи»⁵.

Книга «Истории сестры Руфи, рассказанные ею детям, или Вечера с Джоном Вулменом» входит в число интереснейших, и при этом практически не изученных, образцов детской литературы «домашнего аболиционизма». Это небольшое 121-страничное издание вышло в Филадельфии в последний год Гражданской войны и является по существу адаптированным для детей пересказом классического памятника американской исповедальной прозы — «Дневника» Джона Вулмена⁶ (опубл. 1774). Интерес к фигуре Вулмена (1720–1772) был неслучаен⁷: живший столетием ранее квакерский проповедник изве-

⁴ Неслучайно именно этот фразеологизм использован в названии антологии, составленной Деборой Де Роза [De Rosa 2005].

⁵ Townsend, Hannah, Townsend, Mary. *The Anti-Slavery Alphabet*. 3.

⁶ Альтернативные варианты транслитерации фамилии *Woolman*, принятые в изданиях на русском языке: *Вулман*, *Вулмэн*.

⁷ Интересно отметить, что образ Вулмена был использован как дидактический образец для юных читателей и позднее, например, в книге Томаса Грина «Джон Вулмен: Очерк для юношества» (Green, Thomas. *John Woolman: A Study for Young Men*. Manchester; London, 1885). Детская аудитория является адресатом и более современного, уже художественного, произведения о Вулмене — рассказа американского прозаика Чака Фэгера (р. 1942) «Джон Вулмен и девочка-рабыня» (Fager, Chuck. *John Woolman and the Slave Girl*. Falls Church, VA: Kimopress, 1977).

стен как «прото-аболиционист» [Kershner 2011: 23], и существенная часть его автобиографической и эссеистической прозы посвящена проблематике рабства. Для многих аболиционистов (значительная часть которых была единоверцами Вулмена) нравственный посыл «Дневника» как нельзя лучше выражал идеал ненасильственной, но упорной борьбы за полную отмену рабовладения.

Подобно своему современнику и соотечественнику, автору самой знаменитой американской автобиографии Бенджамину Франклину, Джон Вулмен в течение жизни освоил множество профессий. Будучи старшим сыном в семье фермеров, он мог получить в наследство большое фермерское хозяйство, однако предпочел зарабатывать на жизнь торговлей и портняжным ремеслом; также он работал нотариусом, землемером, выращивал на продажу фрукты, некоторое время руководил школой, для которой сам написал букварь. Однако главным делом жизни для Вулмена было квакерское служение. Свободное время он посвящал религиозным поездкам и литературной работе. Центральное произведение Вулмена «Дневник» (полное название: *A Journal of the Life, Gospel Labours and Christian Experiences, of that Faithful Minister of Jesus Christ, John Woolman*) начинается как духовная автобиография, где Вулмен вспоминает свое детство и юность (Главы I–III), а продолжается уже в дневниковой форме (Главы IV–XII).

«Дневник» — произведение глубоко интроспективное. Внешние события описываются в нем лишь в той мере, которая необходима для понимания внутренней духовной жизни, прожитой Вулменом в неустанном стремлении следовать за голосом «Истинного Пастыря» [Вулман 1995: 76], действовать в согласии с велениями «Внутреннего Света». Вулмен верил, что главным ориентиром для человечества должно быть Мирное Царство (The Peaceable Kingdom), и достичь его возможно с помощью общественных реформ. Соответственно, ключевой проблематикой «Дневника», при всей его интроспективности, становится проблематика социальная: это прежде всего рабовладение, но также и отношения колонистов с индейцами, вопросы пацифизма, экономической этики⁸. Весь этот круг проблем рассматривается Вулменом как неразрывно взаимосвязанный, и в осмыслении его, по меткому выражению американского историка У. Хеджеса, Вулмен

⁸ Не случайно современные исследователи считают Вулмена не только прото-аболиционистом, но также и предтечей антиконсюмеризма [Holcomb 2016: 27–35].

является одновременно «величайшим пессимистом и величайшим оптимистом своей эпохи» [Hedges 1980: 100].

Ключевым событием, побудившим Вулмена навсегда отречься от какого-либо участия в системе рабовладения, было его вынужденное посредничество в сделке по продаже рабыни [Вулман 1995: 42–43]. В дальнейшем именно стремление ускорить отказ от невольничьего труда среди единоверцев руководило Вулменом в его литературной и проповеднической работе. Легко объяснимо, что в XIX в., в период подъема движения за отмену рабства, на первый план для читателей Вулмена вышла аболиционистская проблематика «Дневника»: именно на ней в ту эпоху акцентировали внимание большинство статей, книг и очерков о Вулмене. Важно отметить, однако, что в «Историях сестры Руфи», создававшихся, судя по дате написания предисловия и дате публикации, в 1864–1865 гг., уже после Прокламации об освобождении рабов, изданной Линкольном 1 января 1863 г., тематика аболиционизма все-таки не превалирует, а соседствует с обсуждением других важных для Вулмена проблем.

Следует сразу оговорить, что, к сожалению, установить авторство «Историй сестры Руфи» пока не удалось. На обложке книги отпечатаны лишь инициалы “R.P.A.”, и ни само издание, ни его библиографические описания не содержат полного имени автора. Инициалам не нашлось соответствия и в находящихся в открытом доступе списках участников американских аболиционистских организаций⁹. Единственное, что следует предположить с долей вероятности, — что автора звали Руфь, и что она принадлежала к Обществу Друзей (об этом говорит, в частности, регулярное употребление в диалогах героев книги местоимения “thou”, сохранявшего в тот период бытование среди квакеров).

По мнению Д. Де Росы, зачастую анонимность (так же, как и предпочтение детских жанров) была для женщин-авторов аболиционистской литературы вынужденной мерой: они могли свободнее выражать свои взгляды, подписываясь лишь инициалами или же прячась за социально одобряемым «домашним» образом «бабушки», «кузины Лиззи», «тетушки Мэри» и т. п. Кроме того, среди авторов этой литературы были афроамериканки или же белые южанки, и для них анонимность была особенно важна [De Rosa 2003: 11]. Зачастую

⁹ URL: <http://www.americanabolitionists.com/abolitionists-and-anti-slavery-activists.html> (дата обращения: 24.01.2022).

и те женщины-авторы, которые не затрагивали в своем творчестве политическую тематику, также предпочитали анонимность или использовали псевдонимы, отдавая таким образом дань гендерным предписаниям эпохи [The Cambridge History 1994: 81–82].

Важно отметить, однако, что в случае «Историй сестры Руфи» анонимность, избранная автором, может быть истолкована и с другой точки зрения. Джон Вулмен издавна считается американским «неканонизированным святым» [Eliot 1910]. Изложение его биографии нередко, особенно в XIX в., оказывалось типологически близким агиографическому жанру, где, как известно, анонимность играет особую роль, выражая идею «самоуничужения» автора, его незначительности в сравнении со святым — героем житийного текста [Краснова, Краснов 2012: 742].

«Истории сестры Руфи» построены как серия из девяти вечерних бесед девушки по имени Руфь с ее младшими сестрами Эффи, Анной и Мэри, а также братом Уилли. Зачином первой главы-«вечера» является описание, как дети собираются в уютном доме и просят сестру рассказать им давно обещанную историю. По своей структуре текст напоминает уроки катехизиса: монолог Руфи периодически прерывается размышлениями детей и их диалогом с рассказчицей. Объясняя задачу книги, автор предисловия к «Историям» (опять же, анонимный, подписавшийся инициалами A.W.B. и подчеркнувший словом «друг» — “a Friend” — свою принадлежность к квакерам, «Обществу друзей») отмечает, что оригинальный текст «Дневника» вряд ли увлечет юных читателей, однако выдержки из него, поданные в упрощенной форме, дополненные стихотворениями и диалогами, вполне могут их заинтересовать¹⁰. Главное назначение книги, при этом, безусловно, не развлекательное, а дидактическое — указать подрастающему поколению на «хороший пример» для подражания, образец по-настоящему «замечательного человека» (v).

Фактически «Истории сестры Руфи» становятся не просто адаптированным, но и дополненным пересказом «Дневника». Автор «Историй» добросовестно фиксирует даты обсуждаемых событий из жизни Вулмена, тем самым передавая документальную дневниковую стилистику первоисточника. При этом, как бы восполняя обусловленные тяготением Вулмена к жанру духовной автобиографии сюжетные

¹⁰ R.P.A. *Sister Ruth's Stories for the Young: or, Evenings with John Woolman*. Philadelphia, PA: J.B. Lippincott & Co, 1865: v–vi. Далее страницы этого изд. указываются в тексте в круглых скобках после цитат.

«зияния», пробелы в тексте «Дневника», рассказчица украшает повествование рядом эпизодов и диалогов, отсутствующих у самого Вулмена: например, сценой из его младенчества, картиной свадьбы и т. д.

Слушатели сестры Руфи — дети разного возраста, и в тексте мастерски представлено многоголосие их реакций. Совсем маленький Уилли понимает далеко не все, однако как раз в его простодушных репликах ярче всего сказывается вызванная рассказом «перемена сердца» — например, узнав о диалоге Вулмена со сторонником рабовладения, Уилли говорит: «Я так рад, что Джон Вулмен сказал этому человеку, что держать людей в рабстве неправильно...» (33). Истории о Вулмене с интересом слушают все дети, однако именно Уилли выступает как самый увлеченный собеседник Руфи — «младенец», устами которого глаголет истина. В свою очередь одна из старших девочек, Анна, несколько раз произносит страстные, патетические монологи, полные отсылок к историческим именам и событиям, и выступает как своего рода альтер-эго сестры Руфи, отличаясь от нее большей эмоциональностью. Между тем сама рассказчица Руфь на протяжении всего текста сохраняет ровную интонацию «историка», дружелюбно умиротворяющего своих юных слушателей.

Интересно отметить, что в ходе рассказа используются некоторые мелодраматические эффекты: так, только начав рассказывать своим сестрам и брату о жившем некогда замечательном человеке, Руфь какое-то время «держит интригу» и лишь в конце первой главы (первого «вечера») раскрывает его имя: «Так что, дорогой Уилли, Джон Вулмен — а именно так звали нашего славного героя — уже в детстве [...] стал мыслящим человеком...» (15).

Определенный мелодраматизм заметен в построении всей первой главы «Историй». Как уже говорилось, в одной из сцен рассказчица представляет Джона Вулмена еще младенцем, родившимся в цветущую августовскую пору¹¹. Многочисленные сестры и братья¹² наперебой тянутся к его колыбели, чтобы поиграть с новорожденным; сидящая рядом мать молится о благословении его жизненного пути. Эта сентиментальная сцена (конечно, отсутствующая в «Дневнике») резко контрастирует со следующим эпизодом из отрочества Вулмена, когда мальчик по легкомыслию во время игры убивает птицу, кружа-

¹¹ В действительности месяцем рождения Вулмена был октябрь; ошибочное указание на август, однако, встречается в ряде источников XIX в.

¹² Здесь также содержится неточность, поскольку все братья Вулмена родились позже него.

шую над гнездом. Поняв, что птенцов после этого ожидает медленная мучительная смерть от голода, он из жалости решает умертвить их. Раскаяние в бездумном злодеянии, повлекшем за собой печальный выбор из двух зол, «ужас», охвативший его душу [Вулман 1995: 31], для Вулмена-автобиографа становится отправной точкой дальнейших размышлений.

Один из первых в «Дневнике», эпизод с птицами трактуется исследователями как ключевой для всего текста, воплощающий в себе важнейшую для Вулмена идею неразрывной связи всех существ [Stewart 2003: 109–110]. Автор «Историй сестры Руфи», совмещая, монтируя в своем повествовании один за другим портреты Вулмена — прекрасного младенца и юного «браконьера», заметно усиливает драматизм истории о птице. Такое «грехопадение» ровесника производит тягостное впечатление на слушателей Руфи и побуждает их самостоятельно делать моральные выводы¹³. Маленький Уилли говорит: «Я теперь всегда буду думать, прежде чем бросаться камнями; и я буду очень осторожен, чтобы не ранить каких-нибудь птичек, и даже червячков, которые ползают по земле. Никогда прежде я не задумывался, что погубить так просто, а вернуть к жизни невозможно» (18).

Воспитательное значение историй сказывается и в рассуждениях старших детей — так, услышав рассказ о метаниях молодого Вулмена между религиозной жизнью и весельем в компании друзей, Анна замечает: «По этому поводу, дорогие мои сестры [...] позвольте дать вам совет: будьте внимательны, очень внимательны в выборе спутников. [...] Опасно полагаться лишь на собственную силу воли, и думать, что нам не повредит общение с теми, кто находит удовольствие в беззаконии...» (25).

¹³ Говоря о визуальной образности «Историй», интересно обратить внимание и на содержащиеся в книге иллюстрации. На фронтисписе изображен дом и сад с играющими детьми. Четкого соответствия между этой картиной и текстом «Историй» нет — детей на иллюстрации семеро, то есть больше, чем в самой книге, и их возраст примерно одинаковый, в отличие от возраста слушателей Руфи. По всей видимости, эта картина не столько отсылает к содержанию «Историй», сколько предлагает обобщенный образ аудитории книги. Вторая иллюстрация — портрет индейца, горделиво стоящего на каменной вершине горы с луком и стрелами; за его спиной печально вырисовывается контур пня, оставшегося на месте когда-то мощного, но, по-видимому, сломанного грозой дерева. Этот образ явно соотносится с рассуждениями собеседников о судьбе индейских народов.

Следует отметить, как «мать-просветительница», сама сестра Руфь избегает тенденциозности, черно-белых красок, стремясь достичь взвешенного подхода к обсуждаемым болезненным вопросам национального прошлого. Так, говоря с детьми о рабовладении, Руфь замечает: «Несомненно, между семьями рабов и их господ зачастую возникала искренняя взаимная привязанность [...]. И все-таки, несмотря на хозяйскую доброту и заботу, несмотря на то, что многие господа были хорошими и добросердечными людьми, ... проявления злобы и деспотизма по отношению к невольникам также не были редкостью» (35).

Прозаическая часть «Историй» написана довольно простым, доступным детскому восприятию разговорным языком — неслучайно Уилли замечает: «Когда сестра Руфь рассказывает нам свои истории, это намного интереснее, чем если бы мы прочитали их в книге» (17). Вместе с тем важной особенностью «Историй» является обилие поэтических реминисценций и цитат. Они составляют около десятой части текста. Практически ни одна цитата не атрибутирована; поэтические вставки обычно сопровождаются лишь репликой «Как сказал поэт...» (в оригинале с определенным артиклем: “the poet”). Среди часто цитируемых поэтов — авторы великих религиозных произведений XVII в.: Джон Мильтон и Джон Беньян, а также Марк Эйкенсайд (1721–1770), Филип Джеймс Бейли (1816–1902), Джосайя Гилберт Холланд (1819–1881) и, конечно, самый знаменитый из квакерских поэтов Джон Гринлиф Уиттьер (1807–1892). Одно из стихотворений Уиттьера, «К Кэролайн Нигус: с томиком “Дневника” Джона Вулмена» (“To Caroline Neagus: With a Copy of Woolman’s Journal”, 1842), цитируется в эпиграфе. Поэтические вставки играют в «Историях» роль своеобразной рамочной конструкции: открываясь эпиграфом из Уиттьера, книга завершается стихотворением «На смерть Джона Вулмена» (“Lines on the Death of John Woolman”) (принадлежащим, по всей видимости, автору самих «Историй»). Кроме того, поэтическими цитатами заканчиваются четыре из девяти глав-«вечеров».

Как и вулменовский «Дневник», «Истории сестры Руфи» насквозь пронизаны библейскими аллюзиями. Не только сама Руфь, но и ее старшие слушательницы для каждого эпизода из биографии Вулмена проводят параллели со Священным Писанием. Можно сказать, что история жизни Вулмена, а через нее и американская история, предстают в их глазах как новые адаптации вечных сюжетов. При этом, в отличие от самого Вулмена и других авторов, доказывающих

антихристианскую сущность рабовладения многочисленными отсылками к Библии, автор «Историй сестры Руфи», адаптируя книгу для детской аудитории, ограничивается лишь напоминанием о золотом правиле этики: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лк VI: 31).

Обсуждая со своими слушателями путешествие Вулмена в индейский поселок и комментируя его размышления о «коренных жителях» континента [Вулман 1995: 167], рассказчица также явно стремится к непредвзятой, миротворческой ревизии истории. Во времена правления Уильяма Пенна, основателя Пенсильвании и одного из лидеров квакерства в XVII в., и еще некоторое время после этого, рассказывает Руфь, в его владениях «индейцы и белые неукоснительно соблюдали договор, предложенный Пенном; царили мир и гармония», народы доверяли друг другу. Самого Пенна индейцы называли «Папа Оунэс» («Папа Птичье Перо»). Однако впоследствии местные колонисты не сумели продолжить мудрую миролюбивую политику Пенна, что привело к многолетнему ожесточенному конфликту и страданиям обеих сторон. Рассказ о путешествии Вулмена, стремившегося хотя бы отчасти возродить утраченное доверие между народами, навеивает на собравшихся грустные размышления. Эпизод «Историй сестры Руфи», посвященный индейцам, завершается тем, что одна из девочек, Эффи, исполняет для всех «Индийскую жалобную песнь» (“The Indian’s Lament”) (85-88).

Как видно, в значительной степени истории из жизни конкретной личности, Вулмена, становятся для рассказчицы отправной точкой для рассуждений о путях американской и, шире, мировой истории. При этом Вулмен, с ее точки зрения, остается безусловным эталоном миротворца и реформатора, действующего не силой, а «мягким убеждением» [Heller 1989]: «Слишком часто великие реформаторы [...] идут вперед, неся в одной руке Истину и Правду, а в другой — огонь и меч, грозя погибелью всем, кто не присоединится к ним в том, что они считают Правдой. [...] Но Джон Вулмен, следуя по стопам Великого Учителя, познал с его помощью скромность и смирение, научился той Божественной любви, которая преодолевает зло и которая помогла ему совершить столь великое дело» (58-59).

Нужно отметить, что, говоря о «совершении великого дела», автор «Историй» следует традиции, которую можно назвать романтической гиперболизацией роли Вулмена в истории — представлением о нем как о «первом аболиционисте». Такая гиперболизация была

характерной главным образом для публицистики о Вулмене, вышедшей в 1850–1940-х гг., хотя ее элементы сохраняются в литературе и поныне. Несомненно, проповедник сыграл важную роль в развитии антирабовладельческой мысли XVIII в. и в том, что его единоверцы, квакеры, раньше многих других отказались от рабовладения. Вместе с тем Вулмен отнюдь не был первым и единственным в свое время противником рабства; в одном лишь его ближайшем окружении у него был целый ряд единомышленников [Plank 2012: 4], а потому следующее рассуждение из «Историй сестры Руфи», безусловно, отдает дань именно романтическому мифу о Вулмене: «Поразительно [...], что среди всех хороших людей той эпохи не нашлось ни одного человека, который стал бы соратником Джона Вулмена; что все были настолько слепы к несправедливости рабства, никто не готов был трудиться ради освобождения угнетенных [...]. Можно лишь удивляться, что он не разочаровался во всем, трудясь в одиночку» (88).

Завершает свои «Истории» сестра Руфь эмоциональным монологом, заставляющем вновь вспомнить о характерном для жанра духовной автобиографии мотиве «самоуничужения автора»: «Когда я смотрю в прошлое [на жизнь Джона Вулмена] и вижу, как он шел по своему пути твердым шагом, даже когда не было сил и когда не хватало веры, через испытания и трудности, казавшиеся непреодолимыми — насколько же я стыжусь себя, в своей теплохладности¹⁴ по отношению к Истине и Правде позволяющей себе спотыкаться и унывать из-за каждого мельчайшего препятствия...» (119).

Сестра Руфь, рассуждая о Вулмене, утверждает в стремлении следовать явленному им примеру христианского поведения, а в сердцах ее маленьких слушателей происходит та перемена (“a change of heart”), ради которой и создавалась детская литература «домашнего аболиционизма». В свою очередь, сам «Дневник» Вулмена — это также история «перемен сердца» героя, начиная с самой главной, когда квакерская вера становится для него важнее суетных устремлений (Глава I), за которой следуют и дальнейшие постоянные маленькие «перемены»: когда Вулмен отказывается от какого-либо участия в торговле, связанной с рабовладением, решается на опасное путешествие

¹⁴ В оригинале *lukewarmness*; ср. Откр III: 16: “So then because thou art lukewarm, and neither cold nor hot, I will spue thee out of my mouth.” (KJV, ASV); “Thus because thou art lukewarm, and neither cold nor hot, I am about to spew thee out of my Mouth.” (1764 Purver Bible). В Синодальном переводе: «Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих».

в индейский поселок и т. п. Фигура Вулмена, таким образом, является для Руфи и ее собеседников не застывшим, недостижимым нравственным эталоном, но своего рода «проводником», который и сам в свое время прошел долгий путь внутреннего преобразования.

Подводя итоги, следует отметить, что «Истории сестры Руфи» в целом соответствуют канонам аболиционистской литературы для детей, описанным Деборой Де Роса, но в то же время они весьма своеобразны по своему построению. Ревизия истории здесь, несомненно, играет важную роль, однако было бы не совсем точно характеризовать эту ревизию как всецело «критическую», обличительную. Автору книги удается, с одной стороны, ярко и убедительно выразить свои социально-политические взгляды, а с другой стороны, избежать тенденциозных крайностей в изображении прошлого. Что касается классической триады «мать-просветительница / юный невольник / юный аболиционист», то в «Историях сестры Руфи» она заметно отличается. Вместо образа юного невольника здесь присутствует фигура нравственно образцовой исторической личности, человека, по своему авторитету стоящего даже выше «матери-просветительницы».

Рассматривая «Истории сестры Руфи» в контексте аболиционизма, нельзя не отметить также следующую их особенность. Написанные, как говорилось ранее, после Прокламации об освобождении рабов, «Истории» читаются уже не как обращенный к юношеству призыв бороться за отмену рабства, а скорее, как несколько меланхолическое «послесловие» к эпохе этой борьбы. Обращает на себя внимание следующее, весьма неожиданное, свойство данной книги: притом что она создавалась еще в военное время, в 1864–1865 гг., о Гражданской войне в ней нет ни единого упоминания. Можно предположить, что в определенном смысле полыхающая в стране война приобретает в «Историях сестры Руфи» эффект «значимого отсутствия». Каждый вечер сестра Руфь закрывает ставни, включает свет и усаживает вокруг себя любознательных ребят, а «свиристый дух» [Вулман 1995: 174] вражды, как и гроза, бушующая за окном (см. экспозицию, открывающую Главу III, р. 29), затихают где-то за стенами уютного дома, где юным слушателям, олицетворяющим будущее страны, рассказывается мудрая повесть времен зарождения их родины. В изложении «сестры Руфи», Вулмен предстает уже не только и не столько как предтеча аболиционизма, сколько как терпеливый миротворец.

ЛИТЕРАТУРА

Вулман 1995 — Вулман Дж. Дневник. Ходатайство о бедных / пер. с англ. Т.А. Павловой. М.: Астрея, 1995.

Краснова, Краснов 2012 — Краснова Н.А., Краснов А.Г. Мотивы жития и агиологических жанровых вариантов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14, № 2 (3). С. 740–747.

REFERENCES

Connolly 2013 — Connolly, Paula. *Slavery in American Children's Literature, 1790–2010*. Iowa City: University of Iowa Press, 2013.

De Rosa 2003 — De Rosa, Deborah. *Domestic Abolitionism and Juvenile Literature, 1830–1865*. New York: State University of New York Press, 2003.

De Rosa 2005 — De Rosa, Deborah. *Into the Mouths of Babes: An Anthology of Children's Abolitionist Literature*. Westport, CT; London: Praeger, 2005.

Eliot 1910 — Eliot, Charles. "Introductory note." In *The Autobiography of Benjamin Franklin; The Journal of John Woolman; Fruits of Solitude by William Penn*, edited by Ch.W. Eliot, 176. New York: P.F. Collier and Son, 1910. (Series "Harvard Classics." Vol. I).

Geist 1999 — Geist, Christopher. "The 'Slave's Friend': An Abolitionist Magazine for Children." *American Periodicals*, no. 9 (1999): 27–35.

Hedges 1980 — Hedges, William. "John Woolman and the Quaker Utopian Vision." In *Utopias: The American Experience*, edited by Gairdner B. Moment, Otto F. Kraushaar, 87–102. Metuchen, N.J.; London: The Scarecrow Press, Inc., 1980.

Heller 1989 — Heller, Michael. "Soft Persuasion: A Rhetorical Analysis of John Woolman's Essays and 'Journal'." PhD diss., Arizona State University, 1989.

Holcomb 2016 — Holcomb, Julie. *Moral Commerce: Quakers and the Transatlantic Boycott of the Slave Labor Economy*. Ithaca, NY; London: Cornell State University, 2016.

Kerber 1976 — Kerber, Linda. "The Republican Mother: Women and the Enlightenment — An American Perspective." *American Quarterly* 28, no. 2 (Special Issue: "An American Enlightenment") (Summer 1976): 187–205.

Kershner 2011 — Kershner, Jon. "The (Com)Motion of Love: Theological Formation in John Woolman's Itinerant Ministry." *Quaker Religious Thought* 116–117, no. 1 (2011): 23–36.

Krasnova, Krasnov 2012 — Krasnova, Natalia, Krasnov, Alexey. "Motivy zhitiia i agiologicheskikh zhanrovnykh variantov" ["Hagiographical Motives as the Main Component of Hagiography as a Genre and this Genre Subdivisions"]. *Izvestiia Samarского nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* 14, no. 2 (3) (2012): 740–747. (In Russ.)

Plank 2012 — Plank, Geoffrey. *John Woolman's Path to the Peaceable Kingdom: A Quaker in the British Empire*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 2012.

Stewart 2003 — Stewart, Margaret. “Thinking about Death: The Companionship of John Woolman’s Journal.” In *The Tendering Presence: Essays on John Woolman. In Honour of Sterling Olmsted and Phillips P. Moulton*, edited by Mike Heller, 105–132. Wallingford, PA: Pendle Hill Publications, 2003.

The Cambridge History 1994 — *The Cambridge History of American Literature*. Edited by Sacvan Bercovitch, Cyrus R.K. Patell. Vol. 2: 1820–1865. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Woolman 1995 — Woolman, John. *Dnevnik. Khodataistvo o bednykh* [The Journal. A Plea for the Poor]. Translated by T.A. Pavlova. Moscow: Astreia Publ., 1995. (In Russ.)

© 2022, Д.В. Абдурахманова-Павлова

Дата поступления в редакцию: 17.07.2022

Дата одобрения рецензентами: 20.10.2022

Дата публикации: 25.12.2022

© 2022, Daria V. Abdurakhmanova-Pavlova

Received: 17 Jul. 2022

Approved after reviewing: 20 Oct. 2022

Date of publication: 25 Dec. 2022